

Научная статья

УДК 82-312.5

DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-175-185

Шанхайский текст в романе Сергея Алымова «Нанкин-род»

Иван Сергеевич Полторацкий

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ipoltora@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1565-6451>

Аннотация

В контексте литературы дальневосточной эмиграции рассматривается поэтика романа Сергея Алымова «Нанкин-род» (1929). Ориентируясь как на беллетристическую, так и модернистскую литературу, Сергей Алымов создает многоплановый и неоднозначный образ Шанхая накануне революционных событий 1925 года.

Ключевые слова

Шанхайский текст, Шанхай, Харбин, Сергей Алымов, роман, Нанкин-род, дальневосточная эмиграция

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Полторацкий И. С. Шанхайский текст в романе Сергея Алымова «Нанкин-род» // Сюжетология и сюжетология. 2022. № 2. С. 175–185. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-175-185

The Shanghai Text in Sergei Alymov's Novel "Nankin-rod"

Ivan S. Poltoratsky

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ipoltora@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1565-6451>

Abstract

This article examines the poetics of Sergei Alymov's novel "Nankin-rod" (1929) in the context of Far Eastern emigration literature. Drawing on both fiction and modernist literature,

© Полторацкий И. С., 2022

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2022. № 2. С. 175–185
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2, pp. 175–185

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Sergei Alymov creates a multidimensional and ambiguous image of Shanghai on the eve of the revolutionary events of 1925.

Keywords

Shanghai text, Shanghai, Harbin, Sergei Alymov, novel, “Nankin-rod”, Far Eastern emigration

Acknowledgments

This work was supported by the RSF grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Poltoratsky I. S. The Shanghai Text in Sergei Alymov’s Novel “Nankin-rod”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 2, pp. 175–185. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-175-185

Творчество одного из самых популярных поэтов первой волны харбинской эмиграции Сергея Алымова привлекает внимание современных исследователей в контексте ориентального модернизма Серебряного века. К примеру, известная исследовательница литературы дальневосточной эмиграции Е. О. Кириллова пишет об эклектических основаниях поэтики Сергея Алымова: «...при рассмотрении творческого метода поэта-эстета, в будущем – кандалыщика и песняра, необходимо учитывать опыт усвоения литератором художественной практики футуризма и акмеизма, пролеткультовских тенденций начала и середины 1920-х гг., а также ориентальных установок, свойственных дальневосточной культуре фронта» [Кириллова, 2021, с. 428].

Современных литературоведов интересует прежде всего поэзия С. Алымова. Так, Т. Ф. Жаворонкова в исследовании «Поэтическое наследие Сергея Яковлевича Алымова (1892–1949)» [2007], основанном на архивных материалах, хранящихся в РГАЛИ, и опубликованных прижизненных книгах поэта, подробно анализирует его поэтический генезис от первого рукописного сборника «Снеготай» (Харбин, 1919) до популярных песен, написанных в лагере на строительстве Беломоро-Балтийского канала, и послевоенной конъюнктурной лирики.

Ключевой книгой Сергея Алымова является поэтический сборник «Киоск нежности», опубликованный в Харбине в 1920 г. В нем в полной мере воплотились модернистские творческие принципы Алымова, стремящегося к синтезу китайской и русской культуры в жизни и творчестве. Изысканный и провокативный «Киоск нежности», насыщенный культурными аллюзиями и эротическими мотивами, сделал Алымова кумиром харбинской молодежи. Сергей Алымов в двадцатые годы находится в центре литературной жизни Харбина и Шанхая: принимает активное участие в литературной студии Сергея Третьякова, выступает с творческими вечерами в богемных театрах-кабаре, публикуется в журналах и литературных изданиях вместе с Арс. Несмеловым, Вен. Мартом, Вс. Н. Ивановым, М. Щербаковым, Н. Асеевым и многими другими [Кириллова, 2021]. Вадим Крейд, один из составителей антологии «Русская поэзия Китая», отмечает, что для ранней лирики Сергея Алымова «характерна театральность, эксцентричность, пристрастие к фразеологическим “изыскам”, напоминающим Северянина» [Русская поэзия Китая, 2001, с. 665]. Поэтическое пространство книги насыщено богемными образами светской жизни: лимузинами, пеньюарами, инфантами, шантанами:

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2022. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2

Ты была у Поля в Красоты Салоне...
Ароматной Фриной села в лимузин...
(Лимузин-Саркофаг)¹

Торопливо светало... проходили китайцы,
Виновато-конфузно двери хлопали клуба,
Я ласкал, словно четки, твои длинные пальцы
И читал, как Псалтырь, потускневшие губы...
(Смарагдовые транс, IV)

«Киоск нежности» принципиально аполитичен: в сборнике нет стихотворений социальной и военно-революционной тематики. Следуя эгофутуристической поэтике Игоря Северянина, поэт создает волшебный «флейтно-мечтательный» мир, в котором отсутствует классовое неравенство и все равны перед лицом любви. В этом мире можно «подойти к нищему с гвоздикой красной // из цветка вместе тянуть вино» («Всенеж»), а высшей истиной являются облака, объединяющие души всех людей, – и убийц, и поэтов («Облака»).

В прозе Сергея Алымова поэтическая эстетизация легкой богемной жизни контрастирует с реалистическим описанием жизни бедных китайских районов. Противоположные друг другу художественные стратегии, существуя в границах общего текстового пространства, создают ситуацию жанрового и стилистического смешения, характерную для литературы первой волны китайской эмиграции.

Китайский текст в русской литературе 20-х гг. существовал в двух потоках – «советском» и «эмигрантском» [Красноярца, 2019]. В советском превалировал синхронный соцреалистический нарратив, связанный с обострением классовой борьбы; для эмигрантского было характерно диахронное эстетическое освоение китайской культуры через модернистские художественные практики.

В стихах и прозе писателей дальневосточной ветви русской эмиграции преломлялись детали традиционного и современного китайского быта. В. П. Крейд писал об этом в предисловии к антологии «Русская поэзия Китая»: «...сопки Маньчжурии, желтая Сунгари, лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги – всё это густо, цветисто, одушевленно впервые пропитало ткань русского стиха. Каждый поэт открывал свой заветный уголок “второй родины”» [Русская поэзия Китая, 2001, с. 24].

Художественная проза харбинской эмиграции, начиная с прозаиков старшего поколения Н. А. Байкова, А. Хейдока, В. Логинова, развивалась в фольклорно-этнографическом направлении. Писатели младшей ветви эмиграции продолжили эту линию за счет газетной беллетристики и мемуарной прозы («Два полустанка» В. Перелешина)². Популярный харбинский поэт Сергей Третьяков написал сборник идеологизированных очерков «Джунго» (1927), выдержанных в конкретно-аналитической стилистике. Документальную поэтику этой книги высоко оценил В. Б. Шкловский: «“Чжунго” вскрывает противоречия современного Китая и чрезвычайно точно показывает нам живучесть некоторых бытовых форм в нем. Блестяще описаны Третьяковым китайские похороны, в которых перед гробом

¹ Здесь и далее поэтические тексты С. Алымова цит. по: Алымов С. Я. Избранное. М.: Воениздат, 1953. 111 с.

² Подробнее о поэтике Валерия Перелешина см.: [Капинос и др., 2017].

покойника несут бумажные, в натуральную величину сделанные модели... автомобилей и несгораемых шкафов. Это настолько точно и так доходит, что нуждается только в изложении» [Шкловский, 1990, с. 400].

Материалы, собранные Третьяковым в 20-е гг., легли в основу его экспериментального романа «Дэн Ши-хуа» (1930), жанр которого сам писатель определил как «био-интервью». Повествование в «Дэн Ши-хуа» ведется от лица типизированного китайского студента, рассказывающего о разных перипетиях своей трудовой и учебной жизни. Автор в этом тексте выступает в роли «формовщика фактов», а герой – в роли «сырьёвщика»: «Он благородно предоставил мне великолепные недра своей памяти. Я рылся в нём, как шахтёр, зондируя, взрывая, скалывая, отсеивая, отмучивая» [Третьяков, 1930, с. 14].

Варлам Шаламов упоминает этот текст в своих воспоминаниях: «Это была квалифицированная “литзапись” – не больше» [Шаламов, 2001, с. 344]. Китайская исследовательница Ли Иннань называет роман Третьякова «“энциклопедией китайского общества” на переломе эпох» [Ли Иннань, 2012, с. 237]. Под влиянием общих художественных тенденций харбинской прозы Сергей Алымов решает написать роман, который соответствовал бы ожиданиям различных читательских групп, в итоге возникает синтез советского реалистического романа, модернистской прозы и популярной беллетристической литературы. Единственный роман Сергея Алымова «Нанкин-род», изданный в Харькове в 1929 г., уже после возвращения поэта в Советский Союз, с одной стороны, связан с прошлой, харбинской поэтикой, с другой стороны, представляет собой текст уже совершенно иной, советской литературы. В нем дан обобщенный портрет различных, как это было принято в литературе конца 1920-х гг., социальных классов, существовавших в Шанхае этого времени, и основное внимание уделено аристократам и колонистам, в праздном времяпровождении не замечавшим назревающей социалистической революции.

Роман был написан и издан в СССР в 1929 г., но на него откликнулись в 26-м выпуске дальневосточного журнала «Рубеж»: в разделе «Книжные новинки» опубликована рецензия Василия Логинова. Автор рецензии – харбинский поэт старшего поколения, знакомый с Сергеем Алымовым по «Молодой Чураевке» и хорошо понимающий особенности его творческого метода³. Василий Логинов пишет о том, что «Нанкин-род» только кажется бульварным романом, на самом деле – это тонкий поэтический портрет Шанхая:

С большим трудом и с большой натяжкой можно назвать эту прелестную книгу в двести слишком страниц «романом», но название «бульварный» вполне к ней подходит, с той только разницей, что, обычно, бульварный роман нехудожественная, тогда как «Нанкин Род» – абсолютно художественная литература. В сущности говоря – это художественная подделка под нехудожественный бульварный роман.

Опытный ювелир стал гранить простое стекло и сделал его полным подобием алмаза (Рубеж, 1929, № 26, с. 22)⁴.

Обозначенный здесь парадокс одновременно «художественной» и «нехудожественной» литературы, по мнению рецензента, заключается в сниженности бульварной фабулы и особой стилистической возвышенности языка романа: «обычная

³ Подробнее о В. С. Логинове см.: [Лоцилов, 2021].

⁴ Особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

для Алымова вычурность языка вполне уместна в романе, подчеркивая его дальневосточный колорит» (Рубеж, 1929, № 26, с. 22). Василий Логинов пишет о том, что ключевую роль в «Нанкин-род» играет мотив непостижимого, максимально проявленный в последнем предложении романа, также завершающем историю Агаты: «Непостижимая Азия смотрела на неё спокойными, немигающими глазами» (Алымов, 2018, с. 160). Рецензент называет этот мотив «знаком, под которым написан весь этот роман», он «уничтожает всякое подозрение в бульварности этой книги» (Рубеж, 1929, № 26, с. 22). Действительно, ни один из героев книги не способен понять Шанхай во всей его полноте. Каждый видит только малую часть, доступную его жизненному опыту. Из разных судеб и точек зрения Алымов стремится к созданию объемного портрета шанхайской жизни, ощущая недостаточность и своих собственных представлений о ней.

В 2018 г. роман «Нанкин-род» был переиздан частным издательством «Salamandra P.V.V.», которое специализируется на выпуске редких книг для бесплатного распространения исключительно в культурных и образовательных целях. М. Фоменко, осуществивший подготовку текста к печати, пишет в аннотации, что «Нанкин-род» – «это роман-обманка, в котором советская агитация скрывает яркий, местами чуть ли не бульварный портрет Шанхая двадцатых годов. Здесь есть и обязательная классовая борьба, и алчные колонизаторы, и гордо марширующие массы трудящихся, но куда больше пропагандистской риторики автора занимает блеск автомобилей, баров, ночных клубов и дансингов, пикантные любовные приключения европейских и китайских бездельников и богачей и резкие контрасты “Мекки Дальнего Востока”» (Алымов, 2018, с. 4).

Известный переводчик Максим Немцов в комментариях к книге сравнивает «Нанкин-род» с романами потерянного поколения, в частности с «Великим Гетсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, а также «И восходит Солнце» Эрнеста Хемингуэя, предполагая, что Сергей Алымов, прекрасно знавший английский язык, мог успеть прочесть эти романы, вышедшие в 1925 г. В 1929 г. Сергей Алымов вместе с литературоведом-футуристом М. Ю. Левидовым переводил фрагменты из «Улисса» Джеймса Джойса, что говорит об особом внимании поэта к литературе потока сознания [Степура, 2014]. Несмотря на то что нет документально подтвержденных материалов о непосредственном круге чтения Сергея Алымова, ряд мотивов и художественных приемов, а также общие хронологические рамки позволяют соотнести «Нанкин-род» с литературой «ревущих двадцатых». Шанхайская богема не отставала от европейской и американской в увлечении джазом, сопровождающим богемную жизнь привилегированных сословий. Роман Алымова пронизан ритмами джаза в лучших традициях прозы потерянного поколения. Джаз создает ритмическую и мотивную основу романа, музыкальные мотивы связаны с мотивами роскоши разочарования, определяющими сюжетную основу богемных глав «Нанкин-род».

Парадоксально, но роман «Нанкин-род», будучи ярчайшим памятником эпохи, практически не попадал в поле зрения профессиональных исследователей, сосредоточившихся в основном на поэтическом творчестве и деталях биографии Сергея Алымова.

Основные события романа «Нанкин-род» происходят в Шанхае в 1925 г. в связи с «Движением 30 мая» – массовым выступлением рабочих и студентов против

колониального правительства, впоследствии переросшим в контрреволюционный переворот 1927 г.

Полуторамиллионный Шанхай – крупнейший портовый город, сферы влияния в котором были поделены между британскими колониалистами и новыми китайскими капиталистами. При посредничестве криминальных кругов из «Зелёной банды» лодочников в городе процветала торговля оружием, опиумом и даже рабами, которыми становились бесправные китайские рабочие – кúли.

В экспозиции романа два контрастных локуса: международный сеттльмент, находящийся в центре города вдоль набережной реки Вампу, символизирующий роскошную жизнь; и нищенствующее китайское население, задыхающееся в грязных фанзах на окраинах города и работающее за гроши на текстильных фабриках. Жители богатого сеттльмента не замечают бедного Шанхая и проводят время в чрезмерной роскоши отелей и ночных клубов, пока их не настигает возмездие. Нанкин-род, связывающая эти противоположные стороны Шанхая, постоянно видоизменяется, выворачиваясь наизнанку, а сам город исчезает, словно мираж. В начале романа Нанкин-род – маящая и загадочная улица, успешный шанхайский делец Липтон Ворд видит её из окна автомобиля:

Дальтон нажал стартер, включил скорость, и маленькая лодочка плавно поплыла по асфальту.

Особняки Бабблинг-вэлла весело перемигивались с автомобилем светящимися окнами...

Мелькнула электрическая реклама «Нового Карлтона», плясавшая над домами огненный чарльстон. Посторонившаяся подкова ипподрома открыла пылающий коридор улицы Нанкин-род.

Многоэтажные громады магазинов, татуированные бриллиантовой тушью светящихся реклам, возникали по обеим сторонам улицы хрупкими миражами.

На обведенных контурами огней карнизах кряжистые китайские иероглифы играли в чехарду с сухопарыми английскими буквами.

Громадные окна покрывали стены зияющими ранами, и вся главная улица Шанхая, истекая светом, слепила глаза (Алымов, 2018, с. 9).

Судьба Ворда закольцовывает роман мотивными рифмами: в конце романа он выезжает через ипподром за город и гибнет от выстрела за рулем автомобиля во время загородной поездки. Его спутница Агата, прототипом которой, вероятно, является американская журналистка Агнесс Смедли, занимавшаяся правозащитной деятельностью в Шанхае в 1929 г., становится невольной свидетельницей его смерти, она бежит в поля, освещенные прожекторами военных судов, и ей кажется, что весь Шанхай превратился в мираж: «Агата бежала, напрягая силы; ей хотелось поскорее выбраться из обступивших ее страшных полей. Но Шанхай не показывался. Агату охватил всепоглощающий страх» (Алымов, 2018, с. 160). С судьбой Агаты и Ворда связаны два существенных для поэтики романа мотива: возмездия и непостижимости. Божественный красочный Шанхай обнажает свою скрытую темную сущность, которую невозможно постичь иностранцу. Шанхай, как воплощение «непостижимой Азии», превращается в хищного змея, бесстрастно взвешивающего на мучения своих жертв. В древнекитайском трактате Шань хай цзин «Книга гор и морей» есть упоминание об огромном удаве Ба, способном проглотить слона. Фатализм Алымова связан с невозможностью постичь разумом древнюю тайну Китая, эмигрант никогда не станет своим на этой земле.

Любовница Ворда – Китти Сингапур – также видит Нанкин-род в стремительном движении, поначалу не предполагая трагического исхода:

Бег автомобиля вывел вещи из привычного равновесия. Раздираемый радиатором воздух гудел и пел, опрокидывая дома, ломая столбы, перекашивая окна.

Фонари, нанизываемые скоростью друг на друга, тянулись бесконечным светящимся ожерельем... Красные тюрбаны сикхов взлетали футбольными мячами... Лампочки реклам тысячезубыми челюстями кусали дергавшееся небо.

Нанкин-род скользнул разорвавшейся ракетой... Степенные особняки авеню Жоффр шатались из стороны в сторону, как пьяные матросы (Алымов, 2018, с. 9).

Цепочкой поэтических метафор Алымов создает динамичный текст города, полный ускользающих деталей и наслаивающихся друг на друга ярких образов. За красочным фасадом богемной жизни скрывается трагическое мироощущение. Китти Сингапур, сделавшая «типично дальневосточную карьеру», живет в своей комнате, похожей на «маленькую фата-моргану, миниатюрный пленительный мираж, в котором сладко тонули дела и заботы» (Алымов, 2018, с. 14), где принимает гостей и клиентов, «всех, кто мог заплатить пятьдесят долларов за бутылку шампанского», но, в сущности, она глубоко несчастна. Ее неистовый танец в баре «Новая Мекка» сравнивается с гибелью шхуны, и, когда из-за ее прихоти в пьяной драке погибает молодой итальянский матрос Сильвио, беспечная кокотка впадает в глубокую тоску, начинает курить опиум и решает покинуть Шанхай. Когда Китти сообщает Ворду о том, что скоро Шанхай начнет мстить за высокомерное пренебрежительное отношение к нему, тот не воспринимает ее слова всерьез:

Китти печально роняла слова, и ее поникшая голова казалась большим золотым одуванчиком, надломленным ветром.

– Я уеду подальше от вашей мутной жизни, – продолжала она. – Шанхай отравил мою душу лихорадкой. Недаром летом здесь умирают от жары. Гнилое болото, которое вы покрыли камнем, мстит вам. Чтобы не чувствовать беды, вы пьете виски и коктейли, иначе вы не выдержали бы этой духоты, лезущей из каждой щели. Вы сошли бы с ума или сбежали бы отсюда, как бегу я!

Удивление Ворда поднималось, как ртуть на солнце. Шанхай повертывался к нему неожиданной стороной. А он-то считал этот город лишенным тайн! (Алымов, 2018, с. 68–69).

Этот водевильный сюжет мог бы стать проходной любовной историей, однако Алымов разворачивает бульварную трагедию Китти неожиданную сторону: она уплывает из Шанхая вместе со своим поклонником Дальтоном, так же как и она вписанным в образное поле кораблекрушения:

Уже со второй рюмки Дальтон почувствовал себя на тонущем корабле. С каждой новой рюмкой гибель всё приближалась... Шестая рюмка срезала мачту. После седьмой загорелся трюм... Горячий дым полез в рот и замутил желудок. Восьмая рюмка обволокла Дальтона густым туманом, в котором потонуло всё окружающее. Откуда-то доносился неясный смех... Где-то далеко замирали приглушенные голоса... Потом ударила волна, и Дальтон повалился за борт (Алымов, 2018, с. 38).

В просторном трюме шикарной яхты «Долорес», на которой Дальтон и Китти плывут в Новую Зеландию, контрабандист Веспа везет на продажу тысячу кули, но после «медового месяца ветра» начинается долгий штиль, который приводит к вспышке холеры среди китайцев. Из-за бунта обезумевших кули начинается

пожар, и корабль тонет, роковым образом завершая историю Китти Сингапур. Скрытые мотивы, связывающие воедино героев книги, реализуют свою сюжетно-строительную функцию. Прием постепенной реализации мотивов в сюжетном плане позволяет автору «Нанкин-род» строить повествование по принципу лирического сюжета, что соответствует поэтизированному языку романа. Апокалиптический сюжет горящего и тонущего корабля – финальная точка развития мотива возмездия – центрального мотива романа. Яхта «Долорес», названная так в честь Скорбящей Девы Марии, – это перевернутый ковчег, в котором гибнет человечество, совершающее чудовищное преступление против самого себя⁵.

Восстание подневольных кули в трюме «Долорес» происходит параллельно с массовым выступлением рабочих и студентов, полностью изменившим облик Шанхая:

Нанкин-род, утративший спокойствие, превратился в каменную западню, наполненную одуревшими от ужаса крысами. Взрыв, грянувший в китайских кварталах, оглушил сэттльмент: улица за улицей падала в обморок. <...> Века поднимали склеенные ресницы; сонная Азия меняла паланкин на аэроплан и догоняла Европу (Алымов, 2018, с. 58).

Причиной восстания становится убийство японскими надсмотрщиками студента-социалиста Чена, читавшего пламенные революционные проповеди на заводе. Здесь Сергей Алымов включает в повествование реальную историю рабочего-неолуддита Ку Чен Хуна, убитого 15 мая 1925 г. управляющим на заводе за порчу станков⁶, после чего начались демонстрации и столкновения с полицией.

В «Нанкин род» нет пафоса окончательной победы рабочего класса, характерного для дискурса советского романа китайской тематики. Азия постепенно пробуждается, но этот процесс связан со множеством кровавых жертв, апокалиптические мотивы преобладают над жизнестроительными. Алымов понимает, что для того, чтобы опубликовать роман в Советском Союзе, он должен соблюдать жанровые каноны соцреалистического романа, но собственный опыт жизни в эмиграции вступает в противоречие с идеологической задачей. От этого противоречия усложняется сюжетно-мотивная структура романа, представляющего собой палитру разных представлений о культуре китайской эмиграции.

Сюжетная линия каждого героя романа – это определенная точка зрения на Шанхай и современную китайскую историю, здесь есть представители всех культур, характерных для Шанхая того времени, кроме разве что русских эмигрантов, о которых Алымов отзывается с горькой иронией: «Русские эмигранты – худший сорт нищих – засорили город. Вы их увидите на всех перекрестках, у всех кабаков, в парках, на набережной. Они переносятся с места на место, как обрывки газет...» (Алымов, 2018, с. 62). «Нанкин-род» предвосхищает грядущую катастрофу дальневосточной ветви русской эмиграции, представители которой так и не смогли обрести второй дом ни в старом, ни в новом Китае. Судьбы героев пересекаются на фоне нарастающих революционных событий, но не разрастаются до большого эпического нарратива. Персонажи исчезают так же внезапно, как и появляются, многие истории выглядят незавершенными, фигура умолчания

⁵ О литературных контекстах мотива тонущего корабля см.: [Капинос, Куликова, 2018].

⁶ Подробнее об этом событии см: [Ку, 1979, р. 201].

пронизывает весь роман, что говорит о преобладании лирического начала над эпическим. Сергея Алымова больше интересует стиль, чем сюжет, и его роман органично вписывается в контекст модернистской литературы начала XX в.

Список литературы

- Жаворонкова Т. Ф.* Поэтическое наследие Сергея Яковлевича Алымова (1892–1949): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
- Капинос Е. В., Куликова Е. Ю.* «Открытое море» С. А. Колбасьева: литературный контекст и поэтика // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 101–126. DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-101-126
- Капинос Е. В., Куликова Е. Ю., Силантьев И. В.* Русский Китай как историческая летопись и как лирический сюжет («Поэма без предмета» и «Два полустанка») В. Перелешина // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 87–109. DOI 10.17223/18137083/59/7
- Кириллова Е. О.* «Обаятельнее всех был поэт Алымов»: штрихи к биографии эстета, кандалящика и песняра // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. Вып. 8. С. 99–107.
- Красноярова А. А.* «Китайский текст» русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 23 с.
- Ли Иннань.* Китай в творчестве Сергея Третьякова: роман «Дэн шихуа» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. Вып. 6. С. 237–251.
- Лоцилов И. Е.* Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3656–3660.
- Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М., 2001. 718 с.
- Стенура С. Н.* Переводческая рецепция романа Дж. Джойса «Улисс» С. Я. Алымова и М. Ю. Левидова: «“Улисс” (Фрагменты)» 1929 г. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39), ч. 1. С. 123–126.
- Третьяков С.* Чжунго: Очерки о Китае / Обл. А. М. Родченко. 2-е изд., доп. М.; Л.: ГИЗ, 1930. 348 с.
- Шаламов В. Т.* Воспоминания. М.: Олимп Астрель, 2001. 384 с.
- Шкловский В. Б.* Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.
- Ku Hung-Ting.* Urban Mass Movement: The May Thirtieth Movement in Shanghai // Modern Asian Studies. 1979. Vol. 13, no. 2. P. 197–216.

Список источников

- Алымов С. Я.* Избранное. М.: Воениздат, 1953. 111 с.
- Алымов С. Я.* Нанкин-род: Роман / Подгот. текста М. Фоменко. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. 162 с.
- Рубеж. 1929. № 26.

References

Kapinos E. V., Kulikova E. Yu. “The Open Sea” by Sergei Kolbasiev: Its Literary Context and Poetics. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 101–126. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-101-126

Kapinos E. V., Kulikova E. Yu., Silantev I. V. The Russian China as a historical chronicle and a lyrical plot (“Poem without a subject” and “Two stations” by V. Pereleshin). *Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 2, pp. 87–109. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/59/7

Kirilova E. O. “Obayatel’nee vsekh byl poet Alymov”: shtrikhi k biografii esteta, kandal’shchika i pesnyara. In: *Russkii Harbin, zapechatlenniy v slove* [Russian Harbin, captured in the word]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2021, iss. 8, pp. 99–107. (in Russ.)

Krasnoyarova A. A. “Kitaiskii tekst” russkoi literatury [“Chinese text” of Russian literature]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Perm, 2019, 23 p. (in Russ.)

Kreid V. P., Bakich O. M. (eds.). *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian poetry of China: Anthology]. Moscow, Vremya, 2001, 718 p. (in Russ.)

Ku Hung-Ting. Urban Mass Movement: The May Thirtieth Movement in Shanghai. *Modern Asian Studies*, 1979, vol. 13, no. 2, pp. 197–216.

Li Innan. *Kitai v tvorchestve Sergeya Tretiyakova: roman “Djen shihua”*. In: *Russkii Harbin, zapechatlenniy v slove* [Russian Harbin, captured in the word]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2012, iss. 6, pp. 237–251. (in Russ.)

Loshchilov I. E. *Poeziya Vasiliya Loginova: kharbinskii otgolosok “Satirikona”*. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2021, vol. 14, iss. 12, pp. 3656–3660. (in Russ.)

Shalamov V. T. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Olimp Astrel’, 2001, 384 p. (in Russ.)

Shklovsky V. B. *Gamburgskii schyot: Stat’i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [Hamburg account: Articles – memories – essays (1914–1933)]. Moscow, Sovetskii pisatel’, 1990, 544 p. (in Russ.)

Stepura S. N. *Perevodcheskaya retseptsiya romana J. Joyce “Uliss” S. Ya. Alymova i M. Yu. Levidova: “Uliss’ (Fragmenty)” 1929 g.* *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2014, vol. 9 (39), pt. 1, pp. 123–126. (in Russ.)

Tretiyakov S. *Chzhungo: Ocherki o Kitae* [Zhongguo: Essays on China]. Cover by A. M. Rodchenko. 2nd ed. Moscow, Leningrad, GIZ, 1930, 348 p. (in Russ.)

Zhavoronkova T. F. *Poeticheskoe nasledie Sergeya Yakovlevicha Alymova (1892–1949)* [The poetic heritage of Sergei Ya. Alymov (1892–1949)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2007. 25 p. (in Russ.)

List of Sources

Alymov S. Ya. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Voenizdat, 1953, 111 p. (in Russ.)

Alymov S. Ya. *Nankin-rod: Roman* [Nanking-rod. A Novel]. Prep. by M. Fomenko. Salamandra P.V.V., 2018, 162 p. (in Russ.)

Rubezh [Frontier], 1929, no. 26. (in Russ.)

Полторацкий И. С. Шанхайский текст в романе Сергея Алымова «Нанкин-род»

Информация об авторах

Иван Сергеевич Полторацкий, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Ivan S. Poltoratsky, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 10.08.2022;
одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 12.09.2022
The article was submitted 10.08.2022;
approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 12.09.2022*